
Очерк «Отец»

[Евгения ПИЩУЛИНА](#) - 31 мая 2015

Body

ПРОВЕРЕНО

Евгения Пищулина

.

Отец

.

Снова в память стучит та война, та Весна,

Словно веткой сирени в окошко...

.

Утро Дня Победы в моем детстве всегда было шумным и радостным. Мать раньше обычного открывала ставни, и в доме сразу – светло, солнечно! А в окна – вишня в цвету... И сирень улыбалась – празднично! По очереди подходя к зеркалу, мы заплетали косы, завязывали банты. Одевались нарядно: сегодня всей школой – на митинг, а потом – на праздничный концерт! Мать готовила всем завтрак, приглядывая за нашим младшим братиком Колей. А из радиоприемника – громко! – песни о войне, о Победной весне... В самое сердце!

Отца в сельский клуб провожали пораньше: любил до начала Праздника «погугарить с мужиками», такими же, как он, ветеранами Великой Отечественной...

Мамка бережно и торжественно доставала из шифоньера пиджак с наградами, накидывала ему на плечи. Расправляя воротничок рубашки, поглядывала на него смущенно, радостно. А то – на нас, с улыбкой: каков отец-то? А он – высокий, статный – чуть пригнувшись перед зеркалом, старательно причесывал свои непокорные, тогда еще с легкой проседью, волосы.

Потом всей гурьбой провожали его до калитки. И мать, прислонив к лицу натруженные руки, еще долго смотрела... как пошел....

Он и сейчас в моей памяти все идет и идет из того светлого Дня – гордый, счастливый! – солдат и труженик Великой войны, в самом пекле ее побывавший.

.

А воевал наш отец под Ржевом («...где от крови трава на века порыжела»), где долгие месяцы шло Великое сражение с фашистскими захватчиками, по своей масштабности и грандиозности не уступающее Сталинградской битве. Где и поныне – в лесах – все

находят и находят тысячи погибших солдат. И – где в живых остались единицы...

О том, что пришлось им пережить и вынести в тех кровопролитных сражениях за родимую землю, я знаю из воспоминаний отца.

Очень памятен рассказ – а рассказчик он был удивительный! – о встрече с другом на подступах к Ржеву, поразивший меня еще тогда, в далеком детстве, в самое сердце.

Вот то, что сохранила память – для детей моих, внуков и правнуков...

Шла осень 1942 года... В составе механизированного корпуса на своем ЗИС-5 – «Захаре», как любовно называл свою военную машину отец, двигался он в колонне в сторону Ржева по труднопроходимой, с бесконечными тряпинами и ухабинами, заболоченной местности. «Такой невероятно трудной дороги – почти полного бездорожья! – вспоминал он, – не было больше за всю войну!». «Прорывались через мощные оборонительные рубежи немцев, которые, как считал враг, сделали Ржев неприступным со всех сторон. Каждый холм, каждая лощинка, каждый перелесок простреливались вражеской артиллерией. Продвижение всех воинских частей сопровождалось непрерывным воем снарядов и бомбовых ударов сверху».

«...Ох, и полегло ж там ребят наших! Товарищей моих...». Голос дрогнул – тут же справился, и – уже веселей: «А я – живой... А, мать?» (Видел: прислушивается мать, хлопоча у печки, к его рассказу).

В тот памятный день земля и небо стонали от взрывов. И погода была под стать. Серый промозглый день. Холодно. Пробирает до костей хлесткий – уже с легким морозцем – ветер. Срывался мелкий колючий дождь. Машины то и дело застревают в вязкой грязи. Закипающие моторы... Пробитые скаты... Отчаяние! Преодоление! Преодоление. И вновь – вперед... Вперед!

«И – в этом крошечном Аду – нежданно-негаданно! – встретил я своего земляка и друга Николая Сидякина!»

«Моя машина, доверху нагруженная снарядами, зарылась – дальше некуда, и, совсем истерзавшись, я стал останавливать танки, обгоняющие нас – напролом по лесу.

Один остановился. Вместе с танкистом зацепили трос и – вытащили «Захара» из беды! Подбежал я поблагодарить спасителя своего. Выпрыгнул парень – руки пожали крепко, глянули друг на дружку, да и... застыли, не веря своим глазам! Опомнившись, обнялись крепко. Да так, в обнимку, и присели на корточки сбочь дороги – покурить. Достал Николай папиросы, а я и не курил никогда. Он вспомнил! Хлопнул себя по коленкам, вскочил, побежал к танку, принес сухарей, сахару, банку тушенки. Сунул в руки. Попробовал я отказаться – да где там! Опять присели. Похрумкали сухарями. А поговорить... ни времени, ни возможности: минуты через две-три уже – пора! Обнялись еще крепче и – прощай!.. У машин оглянулись: что-то он мне кричал, что-то – я...». Но утонули слова – самые важные! – в грохоте, скрежете, вое. А над лесом устрашающе нависала ревушая стая немецких пикировщиков.

Отец завел машину первым. Вывернувшись в окно, увидел: Николай захлопнул крышку люка... И – почти сразу!.. Мощный взрыв!!! Оглянулся: на месте танка... оседала вздыбленная бомбовым ударом земля... поднимался черными клубами дым...

Но останавливаться было непозволительно. Стиснул зубы солдат и – дальше! – не видя пути. И стекали слезы «Захара» холодным дождем с лобового стекла...

Через все дороги войны пронес отец тяжелую память об этой последней встрече с другом. Горевал, вспоминал часто. Там, в родном краю, они жили рядом, и знали друг о друге все. Вместе росли. Отслужили в армии. Вернулись. Гуляли с девочками. Любили. Трудились. На войну ушли тоже вместе, уже не юнцами – крепкие были ребята, оба женатые.

А после той встречи все думал он горькую думу о том, что ждет Николая с войны жена Тоня, да уж никогда – не дождется... Мучила мысль, что не смог сообщить ей сразу о том, что видел своими глазами. И потом, и потом... Все мешали сомнения: надо ли?

Но зимой 1945 года, уже в Будапеште, когда поминали с однополчанами погибших друзей, вспомнил он вновь о том страшном дне. Вспомнил, да и – написал! – письмо Сидякиной Тоне. Так, мол, и так: «Убитым Николая не видел, но ты, Антонина, крепись...». При первой же возможности – отправил. «Все ж, так будет правильно», – подумалось ему тогда.

Но жалел он потом об этом письме – всю свою долгую жизнь! Потому что... вернулся Николай с войны! Живой вернулся!

И оба они – Богом хранимые – вернулись с той страшной войны живые! С орденами и медалями на груди. С Победой.

.

.

Много лет мы живем без войны и – давно уж... без них, дорогих. Как живем? Хорошо. Строим планы, мечтаем о важных вещах. В круговерти дней все бежим, все спешим куда-то... Сражаемся с жизнью: многое надо успеть! Вот по работе доберемся до каких-то высот. Вот купим квартиру побольше, машину комфортней, чтоб на ней – хоть куда! Добиваемся, приобретаем и – довольны, счастливы.

А в памяти сердца – навеки – другое...

Тот сиреневый май и родительский дом... И радость – счастливой волной! – от песен Победных... А еще... Летний вечер. С гармошкой отец на крыльце. И поет он свою, любимую: «Летят перелетные птицы в осенней дали голубой... Летят они в дальние страны... А я остаюсь с тобой...». Дальше голос крепчает и – о главном: «А я остаюсь с тобою, родная моя сторона... Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна».

Слушает мать, прислонившись к перильцам крыльца...

Слушаем отцовскую песню все мы и притихший наш сад, и далекие на небе звезды...

Февраль, 2015

.

Пищулина Евгения Григорьевна.

Русская. Родилась 28 ноября 1949 года в совхозе "АМО" Новоаннинского района Волгоградской области. По образованию педагог. Окончила Волгоградский педагогический институт имени А.С. Серафимовича в 1973 году. По специальности - учитель русского языка и литературы. С юности пишет стихи и прозу (очерки, рассказы, эссе). Ранее ни в каких литературных журналах не публиковалась.

Снова в память стучит та война, та Весна,

Словно веткой сирени в окошко...

Утро Дня Победы в моем детстве всегда было шумным и радостным. Мать раньше обычного открывала ставни, и в доме сразу - светло, солнечно! А в окна - вишня в цвету... И сирень улыбалась - празднично! По очереди подходя к зеркалу, мы заплетали косы, завязывали банты. Одевались нарядно: сегодня всей школой - на митинг, а потом - на праздничный концерт! Мать готовила всем завтрак, приглядывая за нашим младшим братиком Колей. А из радиоприемника - громко! - песни о войне, о Победной весне... В самое сердце!

Отца в сельский клуб провожали пораньше: любил до начала Праздника «погутарить с мужиками», такими же, как он, ветеранами Великой Отечественной...

Мамка бережно и торжественно доставала из шифоньера пиджак с наградами, накидывала ему на плечи. Расправляя воротничок рубашки, поглядывала на него смущенно, радостно. А то - на нас, с улыбкой: каков отец-то? А он - высокий, статный - чуть пригнувшись перед зеркалом, старательно причесывал свои непокорные, тогда еще с легкой проседью, волосы.

Потом всей гурьбой провожали его до калитки. И мать, прислонив к лицу натруженные руки, еще долго смотрела... как пошел....

Он и сейчас в моей памяти все идет и идет из того светлого Дня - гордый, счастливый! - солдат и труженик Великой войны, в самом пекле ее побывавший.

А воевал наш отец под Ржевом («...где от крови трава на века порыжела»), где долгие месяцы шло Великое сражение с фашистскими захватчиками, по своей масштабности и грандиозности не уступающее Сталинградской битве. Где и поныне - в лесах - все находят и находят тысячи погибших солдат. И - где в живых остались единицы...

О том, что пришлось им пережить и вынести в тех кровопролитных сражениях за родимую землю, я знаю из воспоминаний отца.

Очень памятен рассказ – а рассказчик он был удивительный! – о встрече с другом на подступах к Ржеву, поразивший меня еще тогда, в далеком детстве, в самое сердце.

Вот то, что сохранила память – для детей моих, внуков и правнуков...

Шла осень 1942 года... В составе механизированного корпуса на своем ЗИС-5 – «Захаре», как любовно называл свою военную машину отец, двигался он в колонне в сторону Ржева по труднопроходимой, с бесконечными тряпинами и ухабинами, заболоченной местности. «Такой невероятно трудной дороги – почти полного бездорожья! – вспоминал он, – не было больше за всю войну!». «Прорывались через мощные оборонительные рубежи немцев, которые, как считал враг, сделали Ржев неприступным со всех сторон. Каждый холм, каждая лощинка, каждый перелесок простреливались вражеской артиллерией. Продвижение всех воинских частей сопровождалось непрерывным воем снарядов и бомбовых ударов сверху».

«...Ох, и полегло ж там ребят наших! Товарищей моих...». Голос дрогнул – тут же справился, и – уже веселей: «А я – живой... А, мать?» (Видел: прислушивается мать, хлопоча у печки, к его рассказу).

В тот памятный день земля и небо стонали от взрывов. И погода была под стать. Серый промозглый день. Холодно. Пробирал до костей хлесткий – уже с легким морозцем – ветер. Срывался мелкий колючий дождь. Машины то и дело застревали в вязкой грязи. Закипающие моторы... Пробитые скаты... Отчаяние! Преодоление! Преодоление. И вновь – вперед... Вперед!

«И – в этом крошечном Аду – нежданно-негаданно! – встретил я своего земляка и друга Николая Сидякина!»

«Моя машина, доверху нагруженная снарядами, зарылась – дальше некуда, и, совсем истерзавшись, я стал останавливать танки, обгоняющие нас – напролом по лесу.

Один остановился. Вместе с танкистом зацепили трос и – вытащили «Захара» из беды! Подбежал я поблагодарить спасителя своего. Выпрыгнул парень – руки пожали крепко, глянули друг на дружку, да и... застыли, не веря своим глазам! Опомившись, обнялись крепко. Да так, в обнимку, и присели на корточки сбочь дороги – покурить. Достал Николай папиросы, а я и не курил никогда. Он вспомнил! Хлопнул себя по коленкам, вскочил, побежал к танку, принес сухарей, сахару, банку тушенки. Сунул в руки. Попробовал я отказаться – да где там! Опять присели. Похрумкали сухарями. А поговорить... ни времени, ни возможности: минуты через две-три уже – пора! Обнялись еще крепче и – прощай!.. У машин оглянулись: что-то он мне кричал, что-то – я...». Но утонули слова – самые важные! – в грохоте, скрежете, вое. А над лесом устрашающе нависала ревушая стая немецких пикировщиков.

Отец завел машину первым. Вывернувшись в окно, увидел: Николай захлопнул крышку люка... И – почти сразу!.. Мощный взрыв!!! Оглянулся: на месте танка... оседала вздыбленная бомбовым ударом земля... поднимался черными клубами дым...

Но останавливаться было непозволительно. Стиснул зубы солдат и – дальше! – не видя

пути. И стекали слезы «Захара» холодным дождем с лобового стекла...

Через все дороги войны пронес отец тяжелую память об этой последней встрече с другом. Горевал, вспоминал часто. Там, в родном краю, они жили рядом, и знали друг о друге все. Вместе росли. Отслужили в армии. Вернулись. Гуляли с девчатами. Любили. Трудились. На войну ушли тоже вместе, уже не юнцами – крепкие были ребята, оба женатые.

А после той встречи все думал он горькую думу о том, что ждет Николая с войны жена Тоня, да уж никогда – не дождется... Мучила мысль, что не смог сообщить ей сразу о том, что видел своими глазами. И потом, и потом... Все мешали сомнения: надо ли?

Но зимой 1945 года, уже в Будапеште, когда поминали с однополчанами погибших друзей, вспомнил он вновь о том страшном дне. Вспомнил, да и – написал! – письмо Сидякиной Тоне. Так, мол, и так: «Убитым Николая не видел, но ты, Антонина, крепись...». При первой же возможности – отправил. «Все ж, так будет правильно», – подумалось ему тогда.

Но жалел он потом об этом письме – всю свою долгую жизнь! Потому что... вернулся Николай с войны! Живой вернулся!

И оба они – Богом хранимые – вернулись с той страшной войны живые! С орденами и медалями на груди. С Победой.

.

.

Много лет мы живем без войны и – давно уж... без них, дорогих. Как живем? Хорошо. Строим планы, мечтаем о важных вещах. В круговерти дней все бежим, все спешим куда-то... Сражаемся с жизнью: многое надо успеть! Вот по работе доберемся до каких-то высот. Вот купим квартиру побольше, машину комфортней, чтоб на ней – хоть куда! Добиваемся, приобретаем и – довольны, счастливы.

А в памяти сердца – навеки – другое...

Тот сиреневый май и родительский дом... И радость – счастливой волной! – от песен Победных... А еще... Летний вечер. С гармошкой отец на крыльце. И поет он свою, любимую: «Летят перелетные птицы в осенней дали голубой... Летят они в дальние страны... А я остаюсь с тобой...». Дальше голос крепчает и – о главном: «А я остаюсь с тобою, родная моя сторона... Не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна».

Слушает мать, прислонившись к перильцам крыльца...

Слушаем отцовскую песню все мы и притихший наш сад, и далекие на небе звезды...

[Евгения ПИЩУЛИНА](#) - 31 мая 2015

<http://webkamerton.ru//2015/05/ocherk-otec>